

Александр Лебедев

День Суркова

Москва
«Книга по Требованию»

Глава 1

Семеро крепких ребят дубасили оранжевыми касками о Васильевский спуск. Занятие это им давно наскучило, и они стучались в булыжник исключительно для приличия. Несмотря на это, проходивший мимо мужчина заинтересованно присел на корточки.

- Слыши, парень, – не выдержал самый молодой, – отвали, а?

- А вы, ребята, шахтеры? Я ничего не перепутал? – спросил мужчина, не замечая предыдущей реплики.

- Шахтеры. Отвали.

- "Отвали" – это что? Пароль такой? А я что должен ответить?

- Не кажется ли вам, господин хороший, – вставая, сказал старый шахтер, – что вы задаете слишком много вопросов?

- Я любопытный, – растянул мужчина.

- Зато мы не лезем в чужие дела.

- Меня это устраивает. И было бы очень хорошо, если бы среди вас нашлись профессионалы.

- Все здесь профессионалы.

- Политики? – не поверил мужчина.

- Шахтеры.

- Тогда самое время познакомиться. Меня зовут Савелий Отморозов, я – коммерсант.

Шахтеры недоуменно переглянулись.

- И что из этого?

- Есть работенка, но только, если у вас кишка не тонка.

- Какого рода?

- Под землей... Скажем, метрах на трехстах.

- Постоянная?

- Разовая.

- Не пойдет.

Отморозов достал из кармана розовый мелок и размашисто, как позволил булыжник, написал трехзначное число:

- Это за день работы... В долларах... И каждому...

Шахтеры заерзали, косились на старшего, но дружно молчали. Тот, который говорил с Отморозовым, напряженно думал. По его лицу блуждало сомнение, а на лбу вздулась синяя вена.

- Я понимаю, – нарушил молчание Отморозов, – сидеть здесь, куда безопаснее. И, может быть, долги по заработной плате погасят. Может, кому-то ваш стук надоест...

- Мы не можем уйти, – сказал шахтер, – это наше решение.

Остальные закивали.

- Это хорошо, – похвалил Отморозов. – Хорошо, что вы работаете командой, и хорошо, что среди вас есть лидер. Но я вам вот что скажу: каждый должен заниматься своим делом. Шахтер должен спускаться в забой, а политику должны делать политики. И чтобы это не были только слова – попробую

продемонстрировать.

Он извлек из кармана маленький телефон и, откинув табло, сказал короткую фразу.

Минуту спустя, возле пикета остановилась пара белых микроавтобусов с надписью "Мосфильм". Из них повалила людская масса, представлявшая собой смесь униформы и телеаппаратуры. Очень скоро масса организовалась в две шеренги: шахтеров и журналистов. Они стояли лицом к лицу и ожидали команды Отморозова.

- Начинайте, – разрешил тот. – Прошу вас.

В руках журналистов запищали видео и фотокамеры, пара вспышек холодным светом легла на мостовую. Из шеренги шахтеров выступил усатый мужчина и внятно, хорошо поставленным дикторским голосом произнес:

- Мы, кузбасские шахтеры, находимся здесь, чтобы привлечь общественное внимание к проблеме неплатежей в нашей отрасли. Кредиторская задолженность по заработной плате и низкая платежеспособность разрезов привели к ситуации, когда отставка правительства и эмпичмент президенту не являются дальновидными. Решить нашу проблему можно и нужно, и мы знаем, как это сделать.

Усач потряс в воздухе файловым листочком и занялся выразительным чтением. Выглядел он весьма убедительно. Единственное, что резало глаз, его холеные руки, не знавшие физического труда. В остальном типаж был сбит грамотно и сочно. Среди присутствующих шахтеров он выглядел самым настоящим, и очень скоро к пикету потянулась струйка любопытных.

- Я Григорий, специалист первого класса, и за каждого из ребят поручусь.

- Очень хорошо, – улыбнулся Отморозов. – Пусть шоу продолжается, а мы с вами съездим и проведем небольшой экзамен.

Группа настоящих шахтеров уселась в белый микроавтобус и через два часа оказалась в загородной резиденции. Еще через час микроавтобус пересек лужайку и остановился возле неприметной девятиэтажки. Здание отвечало всем требованиям новостройки: строительный мусор, котлованы и рвы. Несколько рабочих спешно стеклили первый этаж.

Молодой шахтер потянул за рукав Григория и, округляя глаза, зацыкал, глядя в окно. Он что-то хотел сказать, но не сбирался этого делать при сидевшем на переднем сидении Отморозове.

- Приехали, – объявил Савелий. – Проходите в дом. Тут что-то стряслось, я выясню и догоню.

Он спрыгнул на землю и торопливо пошел вперед. Ему навстречу выскочил худой рыжий парень и стал выразительно размахивать руками. Он несколько раз описал окружность, надул щеки и растопырил пальцы. После очередного повтора, Отморозов бесцеремонно хлопнул его по голове и направился за шахтерами.

- Что ты там показывал? – вполголоса спросил Григорий.

- Ты видел эти канавы? Ты видел? – вопросом на вопрос ответил молодой.

- Ну и что?

- Да это не канавы вовсе.

- Что же? – спросил шахтер, но в следующую секунду его осенила неожиданная догадка. – Без паники, мужики, это еще ничего не значит. Поглядим, посмотрим.

Отморозов провел шахтеров в подвал, где деревянным полом и запахом березового веника развалилась обширная сауна.

- Вот что, ребята, – начал Отморозов, когда шахтеры уселись на широкие деревянные лавки. – Это сухая баня.

- Догадались уже.

- Тем лучше. Мое испытание не из сложных. Только понять его не пытайтесь. Кто выдержит – получит контракт, кто нет – до свидания.

- А делать-то что?

- Надо просидеть в парной полчаса. Кто не захочет, может уйти.

- Температура какая?

- Сто двадцать.

- А в чем прикол?

- Будет страшно.

- Мы не из пугливых.

- Тем лучше для вас и для меня.

Отморозов ушел, но вскоре вернулся в сопровождении двухметрового верзилы, который держал в руках неожиданный для окружающих джентльменский набор, состоящий из банной шапочки, перчаток и ящика пива.

- А это зачем? – недоумевали шахтеры.

- Баня, она и есть баня. Законом не запрещено, а ежели желающих нет, можете и отказатьсь.

Желающие тут же нашлись. Они опасливо потягивали напиток, прислушивались ко вкусу, но вскоре осмелели, и пиво быстро закончилось.

- Прошу, – сказал Отморозов, поднимаясь.

Он прошел в парную и занял место на нижней скамье. В отличие от него верзила поступил более благородно, избавившись от одежды и водрузив на голову шапочку. Понемногу парная заполнилась бледными спинами, выцветшими наколками и въевшейся в кожу угольной пылью.

- Сколько будет дважды два? – спросил Отморозов.

- Два. Два. Три. Пять, – разделились мнения.

- Двадцать один разделить на семь?

- Три. Три, – посыпались более вразумительные ответы.

На носу у Отморозова заблестела прозрачная капля, и, смахнув ее рукавом, он поднялся:

- Продолжайте, мужики, время идет.

Отморозов вышел в предбанник и, оттянув узел галстука, уселся на лавку. Он хорошо слышал голос верзилы, продолжающей перекличку таблицы Пифагора. Ему отвечали спокойно и уверенно. Но через десять минут

вперемешку с простыми и натуральными числами посыпались упоминания о Матери, Чертне и Боге. Парная наполнилась топотом. Кто-то изрыгал проклятия, кто-то просто кричал. Стоны, крики, топот слились в гул, и, распахнувшись, парная выплюнула голое тело молодого шахтера. Он жадно глотал воздух, перебирал деревянными ногами, но, казалось, был слеп. Лишь ударившись о противоположную стену, парень схватился за нее рукой, не удержался и повалился на деревянный пол.

- Будь ты проклят, – твердил молодой человек, безуспешно пытаясь подняться.

Он еще долго сучил ногами, но устав от собственного бессилия, подетски заплакал.

9 лет тому назад

Маленькая женщина, была одета в клетчатое пальто и потому сильно напоминала вьетнамца[1]. Не смотря на смуглую кожу, она на чистом русском обратилась к сидевшим на скамейке парням:

- Позвольте, товарищи? – она жадно смотрела на бутылку в руках одного из них, намекая, что собирается сдать ее в ближайшем пункте приема стеклоторы.

- Пожалуйста, – добродушно растянул один.

Второй опасливо покосился на старушку и бросил бутылку в траву.

- Я вам еще покажу, – пообещала женщина, исчезая в кустах.

- Нет, ты видел? Вот наглая!

- А-а, – отмахнулся тот, что забросил бутылку, – ну, что там у тебя?

- Читал на днях про нашего соотечественника, который купил акции Индийской железнодорожной компании.

- Акции?

- Да, акции. В момент строительства дороги создавалось акционерное общество, после строительства акции выкупили, за исключением какого-то русского купца, к тому времени благополучно почившего. На акции эти так же идут проценты, вот только держателей их найти не могут.

- Ты предлагаешь выступить в качестве лженаследников?

- Нет.

- Зачем тогда эта бессмысленная история?

- Понимаешь, Лешка, пусть тебе это не покажется смешным, но я хотел бы разбогатеть. Положить вот так сотню долларов в банк и заснуть на тысячу лет, а потом... Ну, что потом, ты понимаешь...

- Я в холодильник не полезу, – обиженно пообещал Лешка.

- И не надо, я, так сказать, хочу зайти с обратной стороны. Ты как считаешь, будет когда-нибудь придумана машина времени?

- Гоша, да она уже есть. Видеомагнитофон называется.

- Понимаешь, какая ерунда? Время, как и большинство величин, имеет числовую прямую, оно стабильно и пропорционально. Мы легко можем перемещаться в прошлое, используя тот же самый магнитофон, но ничего не

можем изменить. Так?

- Так, – согласился Лешка.

- Значит перемещаться в будущее нельзя, но изменить его можно.

- Логично, но неверно. Перемещаться в будущее можно, и, мало того, пока ты пил пиво, мы уже переместились на десять минут.

- Не ерничай, я имею в виду быстрое перемещение. А нельзя, потому что будущее легко изменить. В противном случае компьютер уже давно рассчитал наши доходы на сотни лет вперед.

- Как же ты собираешься управлять этим?

- Меня всегда забавлял тот факт, что я не мог представить конца времени, так же как и начала, впрочем. Ведь пользуясь нашей логикой, и у времени, и у пространства должно быть что-то вроде ограничения. Но сколько я не пытался – у меня ничего не вышло.

- И ты решил?

- Я решил, что раз нет конца, значит это круг. Время движется вперед, через некоторое время начнет двигаться обратно. Извини за тавтологию.

- И ты попытаешься перескочить во встречный поезд?

- Если честно, меня это не очень занимает и не очень интересует, что там будет и как. Для меня важен принципиальный вопрос: будет ли машина времени? И если будет, то в каком виде? Потому что я намерен устроить телемост со своими потомками.

Лешка прищурился, искоса посмотрел на собеседника и, сделав несколько жевательных движений, сказал:

- Бред какой-то.

- Лешка, но ведь от тебя многое не потребуется: всего-то составить компанию. Если я окажусь прав – будешь богат, если нет – прозорлив.

- Что от меня требуется?

- План мой заключается в следующем: я собираюсь сорвать банк в национальной лотерее. А для этого мне необходимо знать шесть чисел.

- Пока по числам ты у нас главный.

- Я хочу проверить одну теорию: не знаю, как она называется, но если в общих чертах, то, скорее всего, эти шесть чисел нам уже передали.

- Кто? Наши потомки?

- Разумеется. Потому что скоро я стану богат и расскажу своим наследникам, каким именно способом я разбогател, а они расскажут своим, и это будет продолжаться до тех пор, пока не изобретут машину времени.

- А потом?

- Потом один из прапраправнуоков передаст мне эти шесть чисел, которые к тому времени уже будут впечатаны в родовой герб.

- Но зачем?

- А он получит премию, те самые сто долларов, которые я положу в банк.

- Ну, пусть будет так. Хотя ни одна сберкасса у тебя доллары не примет.

- Очевидно, ты не слышал о коммерческих банках. Сейчас они появля-

ются каждый день. Но вот как передать мне сообщение, ума не приложу.

- Пусть тебе позвонят, – посоветовал Лешка.

- Боюсь, с этим возникнут сложности.

- Обычную почту ты наверняка так же отвергаешь. А как насчет радио?

- Видишь ли, Лешка, я предположил, что возможно, со временем, технология позволит путешествовать внутри сознания. Ведь не секрет, что многие человеческие возможности и знания фантастичны. Однако подсознание стоит на страже этих самых возможностей, запрещая нам ими пользоваться или ограничивая доступ. Во многих учениях можно найти и описание третьего глаза, и Будды, который спит и видит сны. Я же предлагаю приподнять завесу и всего-то посмотреть на шесть номеров.

- Лоботомия? – испугался Лешка.

- Нет, алкоголь. Я предлагаю напиться до поросячьего визга, и наверняка нам что-то и откроется.

- Так с этого и надо было начинать, – воодушевился Лешка. – Когда начнем?

- Немедленно.

- Сказано, сделано.

Молодые люди покинули засыпанную прошлогодней листвой скамейку и, подойдя к ликероводочному магазину, долго обсуждали степень горючести различных продуктов. Того, кто излагал свою идею, звали Игорь Сурков. Он работал программистом в вычислительном центре, и, пользуясь этим преимуществом, Сурков настоял на том, чтобы купить энное количество водки и энное, умноженное на три, количество пива. По дороге к себе он приобрел два билета лотереи, один из которых тут же порвал. Сурков объяснил это тем, что не хочет напрягать потомков лишней работой, а, как известно, за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Лешка согласился с доводами приятеля, но заметил, что лучше было бы сдать билет обратно. Сурков и слушать не хотел про то, чтобы экономить на стоимости билета за неделю до того, как он станет миллионером.

Его уверенность быстро передалась другу, ему не терпелось приступить к началу эксперимента, и Лешка всячески поторапливал.

- Нам некуда спешить, – сказал Сурков. – Раз мы играем в кошки-мышки со временем, значит его имеем.

- Не знаю, что ты хотел этим сказать, но мне тут в голову пришла одна тревожная мысль: а если в дальнейшем кто-то догадается до этого еще?

- Ну и что?

- Не боишься конкурентов?

- А с какой стати?

- Ну, например, кто-то поймет, как мы разбогатели, и начнет вырубать всех твоих родственников до тех пор, пока ты снова не станешь нищим.

Слово "нищим" Лешка сказал с презрением, дав понять, что оно ни коем образом не относится к нему.

- Ну, во-первых, ты еще не разбогател, – сказал Сурков, сделав ударение на "ты". – А во-вторых, в прошлом ничего изменить нельзя.

- Тогда как же твои родственники изменят свое прошлое?

- А они не будут его менять, я действительно разбогатею, они только передадут мне послание, вот и все.

- У меня плохое предчувствие, – сказал Лешка. Он поставил в прихожей Суркова звякающую авоську, осмотрел ее внимательно и повторил:

- У меня плохое предчувствие.

- Да будет тебе, – постарался подбодрить Сурков, – давай для храбрости!

После первой стопки оптимизма прибавилось. Лешка порозовел как поросенок, стал подщучивать и похрюкивать.

- Подожди, – прервал его Сурков. – Мы с тобой упустили одну очень важную деталь: не определили степень кондиции.

- А зачем?

- Как зачем?! – возмутился Сурков. – Мы еще не напились, а ты уже хрюкаешь, как свинья.

- Да, – Лешка озабоченно почесал затылок. – Есть один надежный способ. Но для этого нужна женщина, да не простая, а страшная. Надо посадить ее здесь, и как только мне ее захочется, значит я дошел до кондиции.

- Ну, это не проблема, – сказал Сурков, – только kleить страшных женщин в трезвом виде неприлично, поэтому предлагаю выпить.

- Сказано, сделано.

После первой бутылки водки желание идти за страшными женщинами окрепло. Друзья вышли на улицу и направились вдоль дороги, рассматривая представительниц прекрасного пола. Как на зло страшных среди них не попадалось. Тогда Лешка предложил идти к городскому парку, он знал одно место, где было много женщин, причем на любой вкус, а так как считал себя обладателем изысканного, то легко бы мог найти себе подружку не по вкусу. Но это был просто не Лешкин день, и женщин не по вкусу он там не обнаружил.

- Вот так бы всегда, а то на кого не посмотришь – крокодил. Но сегодня просто праздник какой-то.

Когда друзья совсем отчаялись, Сурков увидел на остановке то, что они искали. Это была среднего роста и неопределенного возраста девушка, настолько страшная, что Лешка сказал:

- Я могу столько не выпить.

- Надо, – приказал Сурков и подтолкнул его вперед.

Лешка подошел к девушке и стал судорожно копаться в извилинах своего головного мозга, соображая, что же в таких случаях можно сказать. Наконец, поняв, что сказать ничего нельзя, а можно только сделать, он произнес:

- Девушка, одолжите пистолет.

- Вам надолго? – спросила девушка, протягивая "Макаров" рукояткой вперед.

- Нет, только застрелиться.
- Тогда быстрее: сейчас подойдет мой автобус.
- Лешка прислонил вороненый ствол к виску и почувствовал, какой он холодный, что тут же подействовало отрезвляюще.
- Разве вы не видите, девушка? – вмешался Сурков. – Молодой человек в вас влюблён, да так сильно, что готов с жизнью расстаться.
- Как все запущено, – констатировала дама.
- Неужели такой благородный порыв не вызвал в вас ответных чувств?
- Вот еще, – напряглась девушка. Очевидно, с ней никто так не разговаривал, и она не понимала, чего же от нее хотят. – У твоего друга крыша едет, а ты – чувства.
- Уверяю вас, мадам, он очень хороший человек.
- Да что ты все за него говоришь? Он у тебя немой?
- Он оглох от любви, – поэтично произнес Сурков. – Ничего не видит и не слышит.
- Везет мне на калек, – вздохнула девушка. – Звать его хоть как?
- Алексей Людмирский, а меня – Игорь Сурков.
- А короче?
- Меня Гоша, его Леха.
- А меня Эля.
- Эля? – зачем-то переспросил Сурков. – А более официально?
- Эльза Аппетитовна.
- "Безобразная Эльза", – подумал Сурков и тут же устыдился своей мысли.
- Эльза Аппетитовна, а не пойти ли нам ко мне и не выпить ли по бутылочке пивка?
- Лучше водки, – рассудительно произнесла Эльза.
- Сказано, сделано, – наконец произнес Людмирский.
- Э – э! – Эльза отвела в сторону ствол пистолета, которым Лешка раскачивал из стороны в сторону, – он у тебя действительно чокнутый, – она решительно отобрала оружие и сунула его за пояс так привычно, словно проделала это с авторучкой, – показывай, Дон-Жуан, свои хоромы, – обратилась она к Суркову.

Сурков обнял одной рукой Эльзу, другой – Людмирского и увлек обоих дальше от остановки, на которой уже давно поглядывали в сторону Суркова, Людмирского и Эльзы.

Сурков твердо решил, что будет выкуривать по одной сигарете после каждой бутылки пива. Когда сигареты закончились, он понял, что неверно составил пропорцию, так как пиво кончилось, а водка еще оставалась, даже не смотря на то, что Эльза налегала на бутылку не хуже Людмирского и Суркова вместе взятых.

"А еще говорят слабый пол", – подумал Сурков, и, к его удивлению, пол наклонился и больно прижал лицо.

"Обиделся", – пронеслось в голове у Суркова. Он стоял, боясь пошевелиться, опасаясь очередной агрессии со стороны пола. Дышать было тяжело, но Сурков терпел. Простояв так несколько часов, он задремал. Когда Сурков открыл глаза, все было на своих местах, пол, как и положено был внизу, а Сурков – по всем законам физики – сверху. Однако утро было каким-то необычным. За окном шел противный дождь, а мысли, словно мухи, летали вокруг головы нагло и беспорядочно. Даже если какая-то и залетала в голову, то приносила только дискомфорт и разочарование.

Сурков поставил на плиту турку, и пока вода закипала, попытался вспомнить, чем закончился вчерашний вечер. Кофе закипело невероятно быстро. Сурков читал об этом в каком-то романе у Жуля Верна, но оказалось, что это всего лишь храп Людмирского, который нагло спит в кровати Суркова.

- Вставай, урод, – тихо сказал Сурков.

Пришлось повторить не менее пяти раз, прежде чем Лешка сменил тональность и перешел из храпа в свист.

- Встать! Суд идет! – закричал Сурков на ухо Людмирскому.

Людмирский лежа вытянулся по стойке смирно и открыл один глаз:

- Где оно?

- Что? – не понял Сурков.

- Эльза.

- Тебе лучше знать.

- Я не помню, она меня споила и бросила.

- Через бедро? – спросил Сурков.

- Шуточки у тебя, – Людмирский, кряхтя, поднялся. – Кофеём пахнет.

- Черт возьми, – Сурков кинулся на кухню, где кофе уже плясал по плите.

Он зачем-то ударил темную кляксу мухобойкой и вылил остатки в чашку.

Налив воды поменьше, снова поставил сосуд на огонь.

- Зачем мы ее притащили? – спросил Людмирский, очень похожий на доброго льва с растрепанной гривой.

- По-моему, это была твоя идея.

- Да? – не поверил Людмирский.

- По-моему.

- А билет мы заполнили?

- Билет. Как же я забыл! – хлопнул себя по лбу Сурков.

Он стал судорожно выворачивать карманы, перебирать старые газеты и копаться в мусорном ведре. Билета нигде не оказалось.

- Эльза утащила, – предположил Людмирский.

- Ты теперь будешь ее винить во всех грехах?

- С чего бы это?

Сурков ехидно улыбнулся.

- Нет, нет, Гоша.

- Да, ладно, Лешка, мы с тобой взрослые люди.